

Татьяна Мудрая

МЕЧ

И ЕГО ЭСКВАЙР

Татьяна Мудрая
Меч и его Эсквайр

«Автор»

2013

Мудрая Т.

Меч и его Эсквайр / Т. Мудрая — «Автор», 2013

Земная книга создала маленький Вертдом – книга, которая была написана по вольной прихоти ее автора, Филиппа. И происходит удивительное: огромная планета Рутен, то есть Земля вообще и реформированная Россия в частности – питается эманациями виртуальной игрушки и в какой-то мере одним этим жива. И чтобы скрепить эту связь, в Вертдоме пишется встречная рукопись, каждая каллиграмма которой – новелла, а вместе они слагаются в историю. История эта продолжает сочинённое Филиппом: оруженосец, иначе на древнем языке эсквайр Хельмута, Арман описывает рождение своей дочери от вдовы Хельмута, царствование короля Ортоса, сына самого Хельма, удивительный Морской Народ, живущий по границам большого вертдомского острова, приключения и войны. Но главной героиней этой книги-символа поистине становится внучка палача, волевая, умная и гордая Эстрелья.

© Мудрая Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Знак I. Филипп Родаков. Рутения	5
Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия	9
Знак II. Филипп Родаков. Рутения	16
Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия	18
Знак III. Филипп Родаков. Рутения	23
Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Татьяна Мудрая Меч и его Эсквайр

– За греховную любовь брата к сестре – костёр,
– угрожающе сказала Стемма.
Вульфрин рассмеялся.
– И ты хочешь стоять перед народом опозоренный?
– Я буду стоять таким, каков я есть.

К.Ф. Мейер. Новелла «Судья».

Знак I. Филипп Родаков. Рутения

Будильник, до упора набитый звоном, едва тряхнул и замолк навсегда, но меня уже содрало с моей узкой кушетной лежанки и резко поставило на ноги. Мой драндулет, который стоял прямо под моим окном двумя балконами ниже, гукнул охранной сигнализацией и тотчас же смолк – очевидно, сосед, торопясь на работу, как всегда, задел плечом зеркало заднего вида. Люблю старинные механические устройства и архаические однократные глаголы – с ними хоть как-то совладать можно. Что пришилишь к словарной коллекции, а что и само заткнётся. Особенно это зацениваешь, когда близится нашествие твоего бледнолицего друга, обещавшего заглянуть сюда аккуратно между ночной сменой и дневной. Днем он отсыпается, ночью... Ночью, скажем так, работает. Хотя его дневные сны – тоже вроде как полезная деятельность: по супружеской части.

Грохнув лейкой душа о раковину, я взбодрился и умылся. Плюхнув точную меру фильтрованной воды в электрочайник, полученный кипятилок – в порцию кускуса с куркумой и шафраном, звякнув ложкой о тарелку и грякнув тарелку в мойку, покончил с завтраком. Провел по двухдневной щетине одноразовым бритвенным станком. Сунул ноги в тапки, голову в майку с лозунгом на испано-перуанском: «La hoja de cola no es droga», то бишь «Лист колы не есть наркотик». Получилось оперативно, как заседание Чрезвычайной Тройки.

Дело в том, что Хельмут никогда не бывает расположен к ожиданию. С какой-то стороны наш одинокий охотник вообще целые сутки бодрствует, хотя с другой – прилежно спит то по ту, то по эту сторону мироздания. Это как еще посмотреть. Вчера вечером, проснувшись из Верта в Рутен, он специально связался со мной, чтобы сказать, что после дежурства по охране окружающей городской среды забежит ко мне и передаст очень важный мемуар *с той стороны*.

А я, понимаете, чувствую ответственность за то, что сотворил. Автора, который оставил своих героев на произвол судьбы, следовало бы предать самой жуткой из тех казней, что они понапридумывали в безнадзорном и беспризорном состоянии.

Нет, в самом деле, – за что мне такое? Лет этак двадцать пять – тридцать назад, в разгар перестройки, вдруг стало возможно издаваться без литования и за свои деньги, а под боком у меня кстати появилась знакомая типография – служебная, но, представьте себе, со вполне высокой печатью. И очень желающая моих денег. Не таких больших.

Вот я и выгреб кое-что из письменного стола, чтобы отнести им. Любимую поделку времен моей юности, до отказа начиненную именами, событиями и героями из тех, что валяются у литератора прямо под левой ногой, когда он встает с нее из постели. Пастиш с примесью печворка...

Mediterranea, Средиземье – это общее название моей выдумки я спер у Средиземного моря и тоже приспособил к делу. (Правда, сами насельники это имя отменили куда как быстро). Четыре условно средневековых страны с лёгкой примесью германского предвозрождения и

исламского Ренессанса, которые покоятся в сердцевине таинственных океанских вод, точно консервированный персик в сиропе.

Готия: гибрид Испании с ее инквизицией, Супремой и гарротой, жгучими красавицами и пьянящим хересом – и Франции, чью Жакерию я успешно поменял на Великую Санкюлотскую Революцию, имевшую место быть куда позже.

Франзония: Германия, Чехия и вроде как самую малость снова Франция.

Скондия, или Сконд: нечто мусульманское, исмаилитское и так далее, но с большим плюсовым знаком. Блаженная страна Ал-Андалус. Население страны отчего-то сильно смахивает на моих дорогих рутенцев: слегка смуглы, широкоглазы и русоволосы. За редким исключением в лице жутко темнокожего Сейфи, пожалуй.

И в самой сердцевине этих толстых загнутых лепестков – Вестфольдия. Вестфольд, как они сокращают себя повсеместно. Мир исландских саг и германской Песни о Нибелунгах. По крайней мере, в смысле закалки характеров. Как ни удивительно, жители этого края довольно быстро отказались от самоуправства при исполнении судебных решений. Когда сильно разветвлённому семейству предлагают исполнять решение альтинга силой своих собственных рук, это чревато большой и кровавой потасовкой между родами и множеством незалеченных обид. Самоуправство в деле казней – штука еще более неприятная. Вот оттого и появились на свет особи, подобные моему Хельму Торригу, – или, вернее, его духовному отцу. Живущие на отшибе, презренные и почитаемые в одно и то же время, независимые и нелюдимые. Исполнители суровых судебных приговоров. Палачи.

А уж люди-то какие в этих государствах!

Завиш из Фалькенберга, пылкий любовник и принц-консорт при Кунгуте, королеве чешской. Королева Мария-Антуанетта и граф Аксель Ферзен. Монах-генетик Грегор Мендель. Кардинал Арман дю Плесси де Ришелье, куртизанка Марион Делорм. Возведенный в дворянское звание палач Шельм фон Берген. Святая мусульманка Рабиа. Святая христианка Жанна Орлеанская. Такие дела.

Но вот что забавно. Книжка, сляпанная по той причине, по какой собака чешется, и изданная на сходных основаниях, поимела хорошую раскрутку. У меня появились не только читатели, но и единомышленники. Не так много, но один из них сделался богат и влиятелен настолько, что вскладчину с коллегами купил для меня новехонький малый истребитель класса «корабль – корабль», списанный из воздушного флота по причине капризности. Я же его и испытывал, кстати. В серию эти летуны не пошли, но именно мой экземпляр я взнуздal, обрoтaл и объездил на славу. (Как понимаете из моей лексики, всё свободное от полетов время я проводил на центральном ипподроме столицы. Не ради одних ставок на бегах, ясен пенни.)

Хорошо, что я все-таки не из больших талантов и моему разудалому творчеству не грозит судьба стать общераспространенным чтением. Ибо каждый из моих избранных и понимающих читателей ходит в Верт и обратно как два пальца облизать. Стоит ему открыть мою книгу и хорошенько в нее вчитаться. Проникнуться ритмом и красотами слога. Глядя прямо в текст или вспоминая его в уме. Привычно, как любое хождение в народ.

Ну да, сами коренные жители иногда называют свою землю Вирт, но это словцо в рутенской стороне уж очень замызгано. Виртуальность, Вирту господина Желязны, Вирт господина Джеффа Куна – без комментариев, в общем.

Вот другая весть, более свежая, потревожила меня куда больше. Тамошние народы – особенно после того, как их, так сказать, «выкупили», – наловчились подбираться к нам, тутошним, используя методику известного научно-фантастического рассказа. Через барьер между обеими реальностями – в полумертвом клиническом состоянии. Изредка такой гонец умеет кое-как оклематься, но чаще попадает в Эреб, или Лимб, или Элизий, или Шеол, или даже Хеоли – как там его зовут в разных культурах. Он у нас с ними общий, причем с разницей в пользу... как их? Вертцев. Вертдомцев. Нехилый блат у них там. Сторожевым трехглавым

животным для них работает кот. Как сплетничают, прямой потомок того, Чеширского, по женской части... тьфу, линии. Самый первый выходец из Обратной Земли (попавший, как и хотел, в Верт, но при большой надобности мог бы и назад в Рутен) сего котяру хорошо подмазал, но чем – никак не признаётся, зараза. И, держу пари, сегодня тоже не признаётся.

Потому что он как раз сейчас ко мне прибудет.

За сим и за этим я поскреб закольцованным в пламенный агат мизинцем левой руки седую щетину на подбородке – запустил себя, однако! И поперся отворять входную дверь: из домофона уже вовсю раздавался голос моего стального рыцаря.

Вот Хельм, судя по голосу, пребывал в отличной форме, как и всегда. Стройный – тогда как я был всего-навсего поджарым. Его быстрота и гибкость приятно контрастировали с моей стариковской суетливостью. Что отметим дальше? Серебристые с голубоватым оттенком кудри против моей волосяной серости типа «перец с солью». Ровная и белая, как у юнца, кожа против моей морщинистой и загорелой обезьяньей хари. Неизменные сорок лет против моих все нарастающих и усугубляющихся шестидесяти.

Потому что у Торригалия совершенно особые счеты со временем. Мы оба носимся туда – обратно: из Рутена в Верт и из Верта в Рутению. Только мое личное время носит биологический характер, а его... минералогический, наверное. Или вообще парадоксальный.

Когда он впервые приобрел человеческий облик, его тотчас отбросило либо в исторический, либо в мифологический тринадцатый век – по-моему, а эпоху Предвозрождения. А потом он просуществовал, меняя не облики, а имена и документы, до начала моего двадцать первого столетия, где я его – или он меня – крепко ухватил за жабры.

Случилось это как-то невзначай: вскоре после того, как нашего Торри сманили из ихних Елисейских полей, но ещё до того, как он сам выманил своего упрямого мастера из каменной городской удавки.

Хм. Вы внимательно прочли первую часть? Ну, тогда должны были помнить, что молодая чета проникла во Вробург с помощью кстати подвернувшегося секретного донесения. А кто его вез?

Вот то-то. Обо всем объективно не напишешь. Поводья моего боевого конька я сам им передал, живому клинку и ведьмочке-эриннии. Что меня во время боевой операции ранило... нет, вообще прикончило вместе с незадачливыми франзонскими робингудами – это лыко не в строку. Робин-Бобинов мои дружки честно всосали вместе с пуговицами, зато я... Поворот кругом и вдоль по ленте Мебиуса, рывок через пасть Цербера-котоглавца – и вот я уже дома, в моей любимой пятиэтажной конуре, предназначенной на снос в связи с затянувшимся мировым кризисом. Соседи мы с Хельмом, домами дружим, как говорится; оттого он ко мне что ни вечер шляется. Без особого дела, просто в виде разминки перед очередным ритуальным кровопролитием. Изредка – чтобы развлечь меня свежими вестями из подмандатной мне уютной вселенной.

Но на сей раз, представьте, дело шло вовсе не о развлечении. Мой дружок выглядел хмурым. Нет, словно его кто-то как следует охмурил.

– Ты прости, Фил, что я так рано... то есть поздно. Надо было вечером, – пробормотал он, едва взлетев на мой этаж и распахнув мою дверь, которую я заранее поставил на мягкую защелку. – Питался от расстройства нервов.

То есть снова ввязался в мафиозные разборки на ничьей стороне.

– Кофе будешь? С коньяком и имбирно-кунжутным печеньем, – ответил я стандартным приветствием.

– Да никогда в жизни!

Гм. Только тут я заметил у него подмышкой солидный сверток формата ин кварто.

– Я только вчера ночью из Верта, – продолжал он. – Места родом из твоей книжки. Там мне вручили один встречный подарок. Для меня самого. Ну и для тебя, если согласишься.

– Встречный?

– Разумеется. Потому как ты есть demiurge всей этой благородной хренотени. Твоя книжка для Верта, эта... Не уверен, что специально для здешнего нехилого поселочка на семи холмах, хотя мне вроде как попытались вдолбить именно это. Постой. Руки прочь.

И он неторопливо развернул передо мной... нечто с обложки похожее на знаменитое Евангелие из Келлса, но покрупнее форматом и с огромными цветными арабесками внутри. Создавалось такое ощущение, что текст каждой страницы был завязан в один прихотливый узел, свернут наподобие большой арабской каллиграммы и окаймлен нешироким полем живописных клейм.

Нет, уточняю: некое сходство с великим памятником ирландского христианства появилось лишь когда Тор отворил верхнюю обложку – и в ту же секунду рухнуло под тяжестью иных ассоциаций.

– Ты оплошно подарил им один из самых магических мифов о Тысячеликом Герое, – ответил Хельмут на мой немой вопрос. – Вот что они из него сотворили. В жизни и на пергамене. Вернее, наоборот: на пергамене и... тьфу. В общем, распутывать это надобно, как гордиев узел.

– Орнамент, – пробормотал я, – на каждой странице асимметричный орнамент. Такой, какими вертдомцы украшают изнутри все вещи, чтобы не ломались. Обновлялись постоянно, типа того. Ну и что, по их предположению, мы будем делать вот с этим самым?

– Читать, по-моему, – пожал плечами Торригаль. – Читать, находясь внутри самой Рутении. В отличие от твоей многотиражной бумажной поделки, это не копия с компьютерного оригинала, а сам оригинал. Слава богу, книгопечатание у них находится в зачаточном состоянии.

– Читать каллиграфию? Ты, похоже, меня за ученого хакима держишь.

– Ну, тогда искать для этого странноватого жесткого диска подходящую программу.

– И вообще – это не... не опасно для окружающей среды? Эта книга Пандоры...

– Шкатулка Пандоры, – хмыкнул мой приятель. – Ну, положим, опасно. Как любая бесконтрольная магия. Допустим, это вообще месть твари создателю. Тебя оно разве остановит? Я помотал головой.

– Ну, тогда вот что. Ты пока приглядывайся, включай своё подсознательное, бессознательное и вообще правополушарную интуицию, а я вечером возвращусь и кое-что дополню своим логическим знанием. Черт с ней, охотой, – здесь дела поинтереснее творятся.

И он отбыл восвояси – отсыпаться в объятиях своих котов, кошек и ведьм.

Я же начал принохиваться: сначала к обложке, потом к ее затейливому содержанию. Не понял, разумеется, ни фиги, – только полюбовался. Как розоватые узоры на белом снегу, переливались перед глазами, мерцали на обратной стороне век линии удивительной графики, сокровенного скондского письма. Узлы и переплетения такой насыщенности, что становилось понятным, отчего Бог предостерегал ханифов по поводу изображений живых существ. Исполненные того же накала, они могли бы разорвать на части не только своего творца, но и ближнюю вселенную.

И вот постепенно, вместе с Торригалем распутывая знаки наяву и в одиночку видя про них сны, я кое-как начал понимать содержание Книги Златых Легенд.

Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия

*Забавно, что так озабочена
эпоха печатных клише
наличием личного почерка
в моей рукописной душе.*

И. Губерман. Московский дневник

Время летит так быстро, что остается уповать лишь на вечность. Оно уносит с собой людей, точно ворох сухих осенних листьев, – обычное дело и заурядный поэтический штамп в Скондии. Впрочем, местная поэзия не любит новых сравнений, достигая вершин виртуозности в перекомбинации старых. Здесь еще более, чем в моем родном Фрейбурге, убеждены, что нет ничего нового под вертдомским солнцем, даже само это название: Вертдом, Виртдом, – которое впервые употребила моя покойная сестра для всей нашей большой земли, упоминалось в неких старинных предсказаниях.

И вот я снова пишу. Снова переплетаю буквенные знаки между собой, чтобы они значили более слов, фразы – по законам скондийской грамматики – уещаю в одно лаконичное начертание, а сочетания фраз обращаю в плотный рисунок, что повторяет в себе значение фраз. Ибо моя душа сама есть подобие рукописи, как говорил по-ханифийски насмешливый рутенский мудрец.

И кладу свои рукописи на людей, как разукрашенный могильный камень. Один из таких – опять же принятых в Скондии повсеместно, – на которых даты и события жизни по обычаю зашифрованы изысканнейшим стихом.

Так было с моим соотечественником Олафом, герцогом Фалькенбергским. Все его деяния, все хитроумия, достойные фра Николо Макиавелли (о ком поведал узкому кругу моих братьев-рыцарей сьер Филипп), все его любовные победы описаны мною – кроме той, последней, которую я не одержал над ним самим. Ибо дважды был прав милый наш брат-ассижец Грегор Менделиус: когда помышлял, что мы с ним оба согрешили, и когда с облегчением понял, что оказались безгрешны. Потому что я был искушен во всех искусствах, которые могли бы быть преподаны моей матери в юности, до встречи с моим пурпуриносым отцом. В том числе, я знал от ее шальных подруг, каким образом можно легко и без малейшего ущерба для печати сбить масло с невинной девицей, как разложить и ублажить к обоюдному удовольствию хорошо пожившую с мужем, но мало изощренную в получении земных радостей даму зрелых лет, как изумить и повергнуть навзничь ту, коя мнит себя полностью искушенной. И как-то обочь всей этой сладчайшей науки шла совершенно другая: о том, как доставить радость существу, совершенно во всем тебе подобному. Последнее я и хотел применить к принцу Олафу – отнюдь не из похоти, а во искупление вины смертного приговора, что я – в числе прочих – на него навлек. (Ибо не перестаю я с отчаянием думать, что мы все – Хельмут, монах, двое асасинов и я грешный – могли бы спасти жизнь моего рыцаря.) Я также доподлинно знал, что в преддверии смерти похоть жалит с особенной силой – оттого и предоставляют смертнику если не годную для дракона девственницу, то умелую и непривередливую площадную девку...

Спасло нас обоих тогда лишь то, что я не сумел изобразить нужный накал страстей, а он – он был из той породы, что не приемлет от других жалости. Семя его легко ушло туда, откуда готово было излиться, как у монахов удивительного ордена именем Ша-Ли, который обретается в Скондийских горах. Говорят, что от сего действия прибывает их духовная мощь. Что до меня – то единственным беспокоящим меня предметом была моя, казалось бы, неизбежная телесная нечистота. Олаф тогда меня спас, вобрав в себя в единый раз и мое семя, и мою мужскую доблесть, и – вместе с ними – всю силу моего духа.

– Как тебе это показалось? – осмелился спросить я, когда мы чуть поостыли от наших усилий.

– Солёно и горько на вкус, будто морская вода, – усмехнулся он, глядя свободной рукой мои кудри. – Не пойму, что за радость поглощать сию микстуру – хотя знал я женщин, которые от этой мужской слизи были в сплошном и непритворном восторге. Но они – не я... Все равно – спасибо тебе, малыш. Утешил.

Потом мы заснули – отнюдь не в разоблаченном и изобличающем виде, но как отец с сыном...

Оттого-то я и не каялся в сем грехе перед добрейшим Грегором, что не было его, греха. Даже наше тайное тайных было от того свободно.

Но оттого я и тяготился своей ношей всю жизнь.

Далее. Так было с сестрой моей... или братом... Нет, с этим погожу. Слишком больно и слишком смыкается с моей недавней потерей. Пока – лишь вот это.

Стихи, которые пошли на махр моей милой Турайе.

Вольные, как всё в Скондии, где существуют два независимых мира: Внешний Круг, сильных мужчин и гибких юношей, и Внутренний – Оберегаемых: женщин и юниц с малыми детьми. Так становится боевой порядок дикого стада: по внешнему обводу матерые рогатые самцы, внутри живой изгороди – самки с пестунами и малыми детенышами. Так в бою с мощным врагом строятся кочевники бедави: если в их кольце находится женщина на верблюде – значит, пощады ни просить, ни давать не намерены, будут биться во имя самого ценного, что у них есть, и со всей яростью.

В каждой страте, как называют здесь эти вписанные один в другой круги, – свои нравы. Своя любовь и свои особенные способы ее выражения. Как мой любимый Потрясатель Копьем, я был попеременно то мужем среди мужей, то женой в окружении жен, а иногда отдавал дань обеим половинам Мира Людей. Как Смуглый Южанин, я воспевал любовь внутри мужской походной палатки, как Рябиновая Ведьма, – внутри женского дома церемоний. И всё это в Скондии сочли прекрасным. Если и находились те, кто считал порочными подобные отношения, – мягкость и изящество, с которыми была подана тема, яркие миниатюры, изображенные тонкой и как бы бесплотной кистью, арабески и завитки узорчатого обвода примиряли с моими стихами любого и каждого.

И это также было мое личное бремя.

Теперь только я готов рассказать о сестре...

Грегор единственный из нас её понял – и ещё при жизни принял такой, как есть.

– Арман, вот меня самого за что в Супрему сослали? Знаешь ты, да не всё. Чтобы от нее самой хоть как-то, но защитить, – признался он мне дня за два до своего упокоения. – Инквизиторы имеют право кошунствовать для пользы дела. В разумных пределах, разумеется. А я из-за нашей милой Юханны на такое наткнулся – иначе как жутким кошунством не назовешь.

Тут надо заметить, что нашу иноземную покровительницу хотя и считали в Скондии девой-воином, однако перетолмачили ее имя на мужской манер. И не просто. Святой Иоанн именуется на скондском языке двояко: если это Иоанн-Креститель, то Яхья, ибо сказано было Аллахом Закарии, что имя его сына должно быть несравненно и неповторимо. А вот Иоанн, любимец Христов, – тот был Юхánна. Простое имечко без затей. Так как наша Святая Странников никогда никого не крестила, ей, натурально, подарили второе имя, не заморачиваясь окончанием.

– Оно ей пристало, здешнее мужское прозвище, – продолжил Грегор. – Ты только не думай, что у старика нынче разжижение мозгов. Юханна и в самом деле была мужем битвы, а не женой сражений. Юноша, залитый по чистой видимости в девичью форму. Да-да, Арман, я не спятил. У нее не было месячных, оттого что внутри отсутствовал тот орган, в коем мать вынашивает плод. Но и мужское снаряжение было подавлено особыми женскими соками, кото-

рые отчего-то выделялись в преизбытке. Одна великая и сильная духом королева, ее сестра по знаку судьбы, говорила о себе так: «У меня внешность женщины, но плоть мужчины».

Я не знал, что сказать, и старый монах понял это по моему виду.

– Так она... он... была уродом? – промямлил я наконец.

– Что ты! Просто иной. Ксенией. Пришелицей издалека. Странником. Да, вот это слово. Странником. Одним и тем же с нами всеми, понимаешь, Арман?

И вот я почти каждый божий день молюсь то ли своей сестре, то ли брату...

Часовня для сердца Юханны сделана в наипрекраснейшем стиле Вард-ад-Дунья. Благодаря густой резьбе это как бы ажурная беседка, с невысоких небес которой спускаются гроздья рукотворных сталактитов. На самом деле стены часовни плотны и крепки, свет исходит из небольших круглых окон на самом верху и в центре купола и дробится на всех поверхностях, обращая внутренность в подобие алмазной розы. Одна роза внутри другой. Тайна скрыта в тайне.

Ибо само сердце, будто вырезанное из черного янтаря, заточено в изысканный ковчежец или крошечную раку, укрытую внутри алтарного возвышения. И не желает показываться тем, кто молит его о ниспослании милостей. Даже единокровному брату, что одновременно и брат по молоку.

Юханна – тоже моя извечная кара.

И, под самый конец, Хельмут. Нет, не то, что он принес себя в жертву и соединился со светлой госпожой Марджан. Это был его выбор, его награда и его искупление. Я почтил его душу и успокоился – тем более что наш Тор с течением времени всё более становился на него похож.

То, что случилось у меня с его вдовой.

Когда обе женщины из дома Хельмута окончательно поняли, что он не вернется, и не смогли дальше убеждать себя в обратном, они изо всех сил ринулись во вселенский плач и причитания. Ничего, в общем, страшного – когда нутро замерзает, это куда более разрушительно. Однако это стало для нас с Турайей удобным предложением, чтобы исполнить над ними двумя обещанное Хельмуту – забрать их в мой харам. Там уже были приготовлены на первый случай небольшая каморка для Инайи – рядом с помещением для детей, чтобы ей не слишком тосковать, – и комнатка с отдельным входом для Захиры. Скандские приличия требовали, чтобы женщине цветущего брачного возраста была предоставлена полнейшая укромность. Даже – и тем более – если она не жена хозяину.

Останавливал слезы и уламывал я их, по счастью, недолго. Захира вообще не старалась и не умела горевать напоказ: мимика не позволяла. Когда человек, можно сказать, всю жизнь носит маску на месте лица – это связывает и обязывает.

Итак, я оставил обеих сирот на попечение умницы Турайи, а сам пошел по делам. Надо сказать, что возиться с переписыванием моих пергаментных творений, толковать с книгопродавцами и арендаторами лавок было куда более трудоемко, чем, следуя порыву вдохновения, торопливо закреплять слова на тонкой бумаге и даже чем неспешно переводить свои замыслы на прекрасно выделанную кожу. А к тому же мое Чистое Братство не отступало от меня ни на день – мы учились так, будто непрестанное совершенствование тела и наполняющего тело духа было нашей судьбой и сокровенным смыслом существования. Хотя это вот именно так и было.

Так что легко представить, каким я возвращался ввечеру под родной кров.

И вот в таком утомленном и как бы разжиженном состоянии я приступил в тот день к моим мужским обязанностям. К облизыванию меня, как хозяина, всяким домашним зверьем. К немому обожанию верной жены и детишек. И к обряду ритуального поглощения пищи, в которой супруг участвует как главное действующее лицо, а прочие – в качестве сценических статистов.

– Муж, с нею по-прежнему скверно, – вдруг сказала Турайа, убирая от меня огромную чашу с пловом, который надлежало скатывать в комочки и отправлять в рот обеими руками.

– С кем из двух? – поинтересовался я, ополаскивая пальцы в теплой розовой воде и обтирая тонким рушником.

– Думаю, тебе легко догадаться.

В этом она была права, только передо мной уже стояло плоское блюдо с вареными в меду фигами, запивать которые полагалось холодным зеленым чаем. А Турайа первая обижалась, когда я не воздавал должного ее стряпне.

Чуть позже ввечеру я подвергся омовению, куда более основательному, чем перед едой, и улегся отдыхать на толстенных циновках спальни комнаты. Хотя и говорится в свадебных напутствиях, что жены – покрывало для мужей, а мужья для их жен, но поверх меня тотчас же напозли совсем иные личности: сынки и дочки, племяшки с племянниками и даже кошка, которая с месяц назад разродилась шестью мягонькими когтистыми детками. Благодарение богу, что здешние иллами побаиваются собак – разрешается держать их только во дворе, чтобы свое место знали. А то и щенки бы поверх меня напозли.

В общем, при таком раскладе исполнять супружеские обязанности показалось мне затруднительным, да и Турайа не настаивала. Сказала, что еще чуть повозится с посудой, приготовит кое-что к завтраку, просмотрит свежие счета, что поступили от наших книжных агентов – и потом ляжет на крыше, а то под нею душно.

Среди ночи я внезапно проснулся с отчетливым ощущением, что дома у меня не всё ладно. Хотя, как я убедил себя, неладно скорее было у меня внутри – фиго иногда оказывают на человека подобное действие, особенно если запивать их бодрящим отваром из двух верхних листиков.

Отхожее место у нас во дворе, так что я расшевелил мое потомство всякого рода и заковылял туда в одной длинной исподней рубаше, чуть пошатываясь спросонья. Сделал всё, что положено, хорошенько ополоснулся над фаянсовым тазом из такого же кувшина (никак не могу привыкнуть к здешней чистоплотности) и отправился назад. Мимо окон нашей гостыи.

Что я услышал такого, чего не уловил никто? То ли тихий вой на одной ноте, превосходящий по ощущениям все пять чувств обычного человека. Или, может быть, ритмичное поскрипывание деревянной рамы, на которую этой ночью поместили матрас.

Словом, я не удосужился ни зайти внутрь дома, ни стукнуть во внешнюю дверь. Некая сила сама подняла меня на подоконник и обрушила внутрь через опущенную тростниковую штору. Та всколыхнулась, но не порвалась.

Первое, что я увидел, было широким веером черных, буквально смоляных волос, что окутывал приклонившееся к коленям стройное тело сидящей женщины. Затем, когда лицо поднялось, – глаза на абсолютно, как мне показалось, белом лице. Зеленовато-голубые и прозрачные, как морская вода.

– Ты... ты простишь, что я тебя вижу? – пробормотал я. – Без хиджаба этого.

Платье на ней все-таки оставалось – нижнее, траурное, почти такого же цвета, как лицо.

– Зачем ты здесь? – отвечает Хафиза вопросом на вопрос. – Боялся, что согрешу над своей жизнью от великого горя?

Ее лицо-маска снова спокойно. Мертвая зыбь лица. Горе выжгло себе путь внутрь и там затаилось – или затеяло новую, невидимую бурю. Только стоят в глазах стеклянистые аквамаринные слезы.

– Не знаю. Послышалось, – ответил я. – Мне уйти?

– Ты еще спрашиваешь.

– Окно ведь. Туда в горячах, оттуда...

Мне показалось, что ее губы чуть дрогнули в подобии усмешки. Она выпрямилась – тонкая, похожая на бессмертную сиду в своем светлом полупрозрачном одеянии и блестящем покрывале волос. Потянулась к внутреннему засову двери.

– Да, конечно, – Хафиза дернула его раз, другой. – Ох, вот что значит в сердцах. Забила наглухо. Войти – не выйти, знаешь. А внешний ход вообще известкой по шву замазан.

– Помочь? – Я подошел к двери и взялся за железку поверх ее руки.

Кой чёрт я спрашивал о таком. Какого Иблиса делал. И без того намек прозвучал двусмысленно, а к тому же эта вторая, внутренняя дверь открывается прямо в коридор между женской и мужской половинами. Хороша будет при случае из меня картинка!

И может быть, оттого, что я хотел уйти с гордо поднятой головой, а, может быть, оттого, что желал вышибить клин клином, – я сделал самое простое, что можно было сотворить в нашем положении. Поцеловал ее в наилучшей фрейбургской манере, не размыкая губ и рук, довел до отменно широкого и низкого ложа и, странно покорную, опрокинул на него, высвобождая нас обоих из широкой одежды. Поистине, в такие моменты действуешь на одном наитии, сам не зная, куда заведет тебя смесь твоих глубинных привычек наравне с необузданным твоим сердцем, полным жалости.

И поныне спрашиваю я себя: был ли то грех плоти – или некая предначертанность?

... Теперь я непременно должен взять тебя женой, – сказал я, чуть погодя. – Даже если не сделал тебе нынче ребенка.

Снова подобие горькой улыбки. В самом деле, подумал я, покойный Хельмут за все годы брака не сумел того сотворить, так с какой это стати я напрашиваюсь.

Но если не супружеством, то как мог я иначе оправдать себя?

Это звучит пошло и подло, однако у мужчины есть лишь один – достаточно категорический – способ вывести женщину из состояния духовного паралича и безразличия к себе. Тот, что невольно применил я. Говоря метафорой: когда ты хочешь утешить женщину и пьёшь слезы с ее неподвижных щек, ты никогда не можешь быть уверен, что именно тебе удалось разбудить внутри нее глубинный источник плача. И никогда ты не сумеешь узнать, хотел ли целительного соития ты сам, или она, или вы оба. Или вовсе никто.

Наутро я пошел к кади нашего округа и как можно деликатней с ним объяснился. Чего мне уж точно не хотелось – подставлять нас обоих под прелюбодейное обвинение. Как ни странно, ей могло грозить худшее наказание, чем мне, – по причине того, что я, так сказать, пал бы жертвой своего безрассудного, но добродетельного. Поднес соломку к факелу, как говорят в Вестфольде.

– В Скон-Дархане остерегаются брать в супруги вдов, пока они не выждут наедине с собой год, – возразил судья в ответ на мои настояния.

– Сделать это у меня в доме будет куда как непросто, – отрезал я. – А Бог не хочет для человека затруднений.

– Если у нее будет ребенок от погибшего...

– В любом случае он не останется сиротой, – ответил я. – Как все дети вокруг моего очага.

– Она согласна с твоим решением?

– Не возражала пока.

Ну конечно, только наисильнейшее влечение к смерти могло бы заставить ее противиться такому решению.

– А первая ваша жена дала согласие на сей поспешный брак?

Я едва не ляпнул, что, по моему скудному разумению, именно Турайа нарочито меня подставила. Но разве я не рыцарь вдвойне – на франкский образец и на скондийский – и неужели наши прекрасные дамы не заслуживают того, чтобы их мужья были снисходительны к тем благородным ухищрениям, в которых они не так уж многим уступают Всевышнему? Даже если это иной раз подводит нас, мужей, под монастырь – точнее, под тюремное заключение, которое

отличается от франзонского не менее, чем Телемская Обитель досточтимого мэтра Франсуа Рабле от готского кlostера?

Так что я просто кивнул в надежде, что подтверждение моих слов последует само.

Остались пустяки. Договориться о махре (по всей видимости, еще одна моя книга, а впрочем, это уж как сама Захира решит в своей душевной неуспокоенности) и – ох, даже в Вард ад-Дунья имеются ведь некие ограничения на брак нохри и иллами! А у меня намечаются аж две женщины противоположной мне веры...

– Но ты же рыцарь-марабут, – возразил кади в ответ на мои сомнения. – Значит, из истинных ханифов. Это всё покрывает.

Оного мы с ним не учли в то время: малым грехом не удастся покрыть большого. Я боялся плодов нашего прелюбодеяния – да и продолжения его самого, по правде говоря. Не хотел дальнейшего соблазна. И беспечно пренебрег древней мудростью.

Сразу после заключения брака и необычайно скромной свадьбы обнаружилось, что Захира понесла почти что в нашу первую ночь. Удивительно, подумал я про себя, как быстро мне удалось разбудить сию дремлющую плоть и завязать внутри нее свой узел – или виной внезапно разверзстых ложесн было именно горе Китаны по Хельмуту?

Вот это ее прозвище – Китана – я не смел повторять вслух. Оно безраздельно принадлежало мертвому.

Когда мы поняли, что брак наш принес плод, Турайа ликовала куда больше нас обоих. Ибо это венчало ее хитрость. Это означало жизнь.

Я молился в ажурной часовне Юханны каждое утро перед тем, как уйти по разнообразным своим делам. Так же делал свое время Хельмут. Не знаю, что за слова там мною проговаривались, какие мысли могло уловить дивное дитя простой горожанки и знатного церковного сановника, но беды наши постепенно уходили прочь.

Когда пришла пора шить Захире свободные платья, мы с моей первой женой уговорили ее отложить в сторону мертвенные оттенки. Как раз начало холодать, и я принес из лавки суконщика тонкие сукна буро-голубого, охристого и янтарного цветов, чтобы подчеркнуть цвет волос и глаз Захиры. Нет нужды, что из дому она выходила в теплой накидке с глубоким капюшоном. Я хотел, чтобы подруги, портнихи, советчицы и знахарки из числа ее знакомых – все на свете могли восхищаться ею так, как восхищался я. Водил я ее и к ученым монахам – воспитанникам Грегора, которых он отчасти сманил от франзонских ассизцев, отчасти воспитал на месте. Что было ей от них нужно, раз уж она не собиралась переходить в мою (и Хельмутову) веру, – я не интересовался. Однако она всякий раз собирала вокруг себя стайку опрятных голодранцев в серых рясах, подпоясанных вервием, и в любое время года босоногих. Ну, на худой конец, в сандалиях на босу ногу. Их никто в Скондии не считал за мужчин – просто за умных и добрых людей. Причем высшей пробы.

Так прокатилось над нами чуть меньше девяти месяцев...

Зрелой женщине куда как тяжело рожать впервые – но все равно я удивился тому скоплению народа, которое создалось у меня дома сразу же, как у Захиры начались пока еще слабые схватки. Эти бабки, монашки, знахарки и лекарки вытеснили меня из дома, и я, хотя и беспокоился за судьбу роженицы и младенца, снова был вынужден укрыться в часовне, где провел ночь в непрестанных мольбах.

А утром, чуть свет, появилась на свет она. Моя девочка. Атласный расшитый сверток, перепоясанный золотым кушаком, – своего рода хиджаб, защиту от пагубного и нескромного взгляда, – принесли ко мне на мужскую половину с нескрываемым торжеством, как отменно исполненный шедевр на звание мастера.

Я чуть приоткрыл батистовую занавеску, что прятала личико. Белокурые завитки волос, голубые, мутноватые, с едва заметной прозеленью глаза. Волосы, подумал я, должны будут опасть, а выросши – слегка потемнеть и со временем приобрести оттенок бледного червонного золота. Глаза же станут как у матери: холодный изумруд, аквамарин, чистейшая вода морская.

– Бахр. Море в очах, – невольно произнес я. – Скажите моей супруге, что я благодарю ее от всего сердца за этот дар. Пусть имя девочке будет Бахира, «Морская». Или, с легким изменением звучания, – «Весна». Ибо родилась она в разгар весны.

А потом я снова провел всю ночь перед сердцем Юханны, благодаря ее за тот оживший знак прощения, что мне, казалось, был вручен.

Знак II. Филипп Родаков. Рутения

Заявился наш Тор, натурально, аж на следующие сутки, хотя и верно – поближе к ночному времени дня. Я прямо весь истосковался. А уж как по нем изнылись те крутые мафиози и активные радикалы, которыми он давеча после двадцати трех ноль-ноль пренебрег и пренебрегать собирался и далее, я просто не представляю. Не хватило фантазии.

Почему это я, кстати, решил, что Хельмут пребывает в относительном благодушии, несмотря на вельми голодное состояние? А потому, что он имел подмышкой шикарный баварский пирог со свежей лесной ягодой и с твердым намерением разделить его на две неравные половины. Когда нашему долгожителю в самом деле худо, он не делится сладким ни с кем из смертных. Причем принципиально.

А еще он притаранил полый бамбуковый стебель с красным китайским чаем марки «Гневный Дракон» и специально для меня – бутылку кисленького венгерского вина «Бикавер», то есть «Бычья Кровь». Как символ моей ностальгии по советскому строю. Так что выпьем, поворотим и в донышко поколотим, как говорят в рутенском народе...

Когда мы выдули для затравки по фарфоровому бокальчику чая и приступили к дележу торта, я спросил:

– Давно хотел спросить. В аналоги своих собственных земель вы проникаете просто. Умер – перешел в Рутен – там книжку почитал, так сказать. Ну а чем мои подшефные считают древнюю Японию, Китай, Аравию и прочие экзотические страны, куда никто из них не попадал и попасть не умеет?

– Прикрепленными файлами, – хмыкнул Тор. – Частью Верта, а не Рутена. Вот притянет тебя к Туманной Грани, и откроется путь, нарисованный в облаках, вроде как цифирки и загогулины такие. А почему ты так говоришь – не умеем? Как раз кой-чего начинает получаться...

– И еще одного не пойму. Они же все прямо на детишках сдвинутые, эти твои скондские приятели, охалками их подбирают, а в книге даже имена Армановых главных сыновей не названы. Счел недостойным своего переплетения смысловых узоров? Или просто распространил свои чувства на бо́льшую детную массу?

– Ни то, ни другое. На тебя, я думаю, повлиял бородатый анекдот о султани, который полюбил другой гарем. Детей мои скондцы любят поштучно.

– Шпинельских погодков, как ты говорил, зовут Джалал и Икрам. Впечатляюще.

(Есть, между прочим, такое «прекрасное имя» Аллаха – Зу-л-Джалал Зу-л-Икрам, «Полный гневного великолепия». Вот оттуда и называли сих буйных деток.)

– Так вот, только они и есть от Турайи, а всех прочих усыновили, удочерили и так далее. Деток очень любят.

– Какие сложности, однако. Нет чтобы самим поработать.

– Фил, вот от кого не ожидал, так от тебя. Ты вообще-то представляешь механику скондского деторождения? Чистая евристика, как ты и хотел. Старухи и матерые вдовы четко знают, какое дитя будет желанным для Сконда, а какое нет. Оттого женщины зачинают деток взвешенно и неторопливо.

Так как Тор взвешенно и неторопливо облизывал запачканное лезвие фруктового ножа, стараясь не порезать язык, эти его словоизлияния прозвучали полной невнятицей.

– Тогда с чего они кого попало через бугор тащат? Обходились бы собственными высокопрофессиональными силами.

– Не кого попало, милый, но самых многообещающих из числа бродяжек и сирот.

– Воруют у бедных франзонцев и готиков самых красивых и талантливых ребятишек, так, что ли?

– Только тех, чья красота и талант уж точно не придутся к своему двору.

– Искусственный отбор, значит. Хельм, а благотворительность как же?

– Фил, да куда ж она денется? – ответил он вопросом на вопрос. – Ее скондцы к нужному месту прилагают. Такие врачи без границ, как Сейфулла, многое могут сотворить на одном голом авторитете, лишь слегка приправив его деньгами. И странноприимные дома организовать, и сиротские приюты, и лечебницы для скудоумных.

К этой точке нашей беседы пирожная цитадель была покорена и уже сильно поразрушилась. Бой с ежевикой и малиной продолжался на улицах города, основную массу драгоценного чая и «Бычью Кровушку» я предусмотрительно затырил на верхнюю полку шкафа и теперь раздумывал, не стоит ли бросить в бой испытанного триария в лице хорошей бутылочки мятного ликера. Хорошо, что эти бокальчики-армуды и с алкоголем неплохо смотрятся.

Так что мы пустили одну сладость вдогонку за другой, придавили обе хорошим чайником цейлонского пойла, смоляного по вкусу, цвету и крепости, и, вполне удовлетворенные, откинулись на спинки сидений.

– И всё равно – не понял я, отчего Шпинель так с девчонкой носится. Будь его жена второй Скарлетт О`Хара – куда ни шло. Но ты уверял меня, что она вовсе не строптива, так?

– Фил, – терпеливо ответил Торригаль, – всё так, ты прав. Девочки – это чисто материнское достояние. Вот сыновей мать держит при себе до десяти, от силы до одиннадцати лет, а потом со всеми потрохами отдает на мужскую половину. Держит – от слова «держава». Плюс скипетр, понятное дело. Армановы мальки находились в ту пору как раз в пограничном состоянии, чадолюбие в нем играло уже на пределе, как и стремление учить, так что – сам понимаешь. Дорвался до главной радости.

– А спать на одной циновке всем скотным двором не в счет, верно? – съязвил я. – Где моя рука, где твоя нога...

– Бахиру он ни с кем смешивать не собирался, – отрезал Торригаль. – И ни с кем делить. Фил, ты чего – перебрал по части градуса?

После такой отповеди я обиженно смолк. Немного погодя мы помирились на мытье посуды, выбросе в мусоропровод бранных останков торта и распитии того, что еще осталось от ликера, пополам с крепким скондским кофе. Как мне кстати объяснил Хельм, его в Верте открыли и культивировали Братья Чистоты, а выращивали на скудных высокогорьях. Первыми попробовали его зерна на своей шкуре не козы, как в Аравии, а чистокровные лошади-аламунтийя, отчего их потомство и стало таким неутомимым.

И уже совсем поздно мы взялись разбирать по завиткам Арманову рукопись.

Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия

После родов моя Захира долго не могла оправиться – по правде говоря, она так и не стала прежней до самого конца, – и оттого все столичные лекари единодушно запретили ей кормить дитя грудью.

Впрочем, материнского молока вокруг было столько, что хоть купайся в нем, а доброхотных кормилиц приходилось выстраивать в очередь. Поистине, Бахира с самого рождения была прелестной малышкой, и красота ее всё со временем всё возрастала. Морские глаза ее, казалось, с самого с самого начала умели не только смотреть, но и видеть – и в отличие от обыкновенных младенцев, она следила за окружающими ее людьми и вещами с явным интересом. А поскольку те же лекари настаивали на том, чтобы дитя побольше общалось с родильницей, дабы лучше заживали причиненные им раны, я ежедневно носил дочку к Захире, клал рядом – чистенькую, перепеленутую, благоухающую травяными смесями и цветочными отдушками, – и присовокуплял бутылочку согретой молочной смеси, чтобы дитяти было чем заняться. Скондийки, в отличие от моих вестфольдских (да и франзонских) соотечественниц, сцеживать свое молоко не любят, да и к чему это им? Уж если мать кормит, то именно это считается основным ее занятием. Поэтому и Рабиа, будучи уже в летах и без особенных дел, взялась приучать Бахиру к кобыльему молоку, слегка разбавленному и подслащенному, говоря, что это куда как полезней коровьего и даже козьего, что свертываются в нежном желудочке грубыми комками. Тоже дар одной из матерей.

Все первые дочкины месяцы, почти до года, я несколько пренебрегал своими многообразными занятиями, препоручив почти все их Тураيه и верным приказчикам. Единственно, кто от меня не отступался, – это, разумеется, мои братья по оружию. Тут уж приходилось выкладываться до кровавого пота и алого мерцания в глазах.

Но и после года, когда моя младшая супруга поднялась с ложа скорби и понемногу стала выходить в сад, на улицу, а потом и в лавки за товаром, мы с Бахирой неизменно сопровождали её. Сначала я носил девочку в подобии широкой перевязи или шарфа, потом на руках, прислонив в телу, а ровно в год она как-то очень сразу и резво пошла ножками.

Я отчетливо помню, как это произошло. До того мы с Захирой немало сокрушались оттого, что наша дочка не умеет ползать, как прочие груднички, и оттого капризничает и чуть что просится на ручки. А в этот день я решил показать жене ее готовый махр – книгу под названием «Изречения достославного вали Хельмута ал-Вестфи», написанную отнюдь не как житие нохрийского святого постника, коим он никогда и не был, но скорее как похождения острого на ум и быстрого на язык ханифитского мудреца. Кстати, против истины я тем не погрешил нимало – бывают люди, которые умеют шутить в облегчение другим, смеяться над своей бедой и даже над самой своей смертью, и мой мейстер был одним из них. Манускрипт получился, как и хотела моя супруга, тщательно исполненный и в то же время небольшой, форматом в ладонь зрелого мужчины, каждая страница на вестфольдский манер обведена широкой каймой, как бы затейливо сотканной из рисунков, перетекающих один в другой и по временам расплескивающихся на всё поле. Я начал эту поистине бессонную работу сразу после свадьбы, и картинки заняли у меня больше времени, чем вся прочая каллиграфия. Так вот, на одной из таких цветных миниатюр был изображен во всей красе двуручный и двуличный Гаокерен – не Торстенгаль, нет, потому что я тщился изобразить именно Древо Трех Миров. Золотой Ясень, прорастающий сквозь Небо Древних Богов, Землю Людей и Обитель Бессмертных.

Когда я раскрыл книгу прямо на изображении Священного Ясеня и установил на низкую подставку, наша малютка которая играла тут же на ковре своими тряпочками и погремушками, издала странный, мелодичный звук и вдруг встала на дыбки без опоры. Покачалась на мягких, непривычных ножках – и резво засемила вперед, чтоб не упасть. Остановилась Бахира только

тогда, когда ручки ее уперлись в книжную страницу, слегка ее примяв. Но нам с женой ничуть не было жаль моего труда – он послужил наилучшему. Разумеется, я тут же подхватил мою девочку на руки и стал покрывать всё ее нежное тельце горячими поцелуями.

– Праздник Первого Шага, – произнесла моя жена негромко и почти без оттенков.

– Ох, да конечно! Отметим, непременно отметим, радость моя.

– Кто твоя радость? – продолжила она в том же по виду безразличном тоне.

– Вы обе – мои ненаглядные девочки. У вас даже имена созвучны: Захира и Бахира. Звезда и Море. Ты цветом золотая Осень, она – зеленая Весна.

В своем неприкрытом счастье я как-то позабыл про обычай, связанный с этим древним празднеством: отец, становясь лицом к лицу с ним, протягивает ребенку – вне зависимости от пола – яркий кожаный кошель для монет или бумаг и кинжальчик в простых ножнах. И то, и другое в Скондии носят как мужчины, так и женщины, ибо самое для тебя драгоценное надлежит защищать оружием. Что малыш выберет, то и будет его судьбой...

Ну разумеется, мы отпраздновали прямохождение младенца ровно через месяц и очень шумно, Бахира на глазах у всего честного народа выбрала прелестную, сплошь расшитую золотой нитью сумочку для рукоделий, которую домочадцы смастерили ей подарок, и всё вновь оказалось на своих местах.

А немного позже – ибо время, как я уже говорил, летит неотвратно, и каждый год подобен краткому мановению ресницы – я стал повсюду водить мою девочку с собой.

Был ли в том прямая нужда, как я убеждал себя в те дни? Разумеется, Турайе и без нее хватало забот: приходилось пестовать, помимо вечной нашей малышни, еще и тетушку Инайю, которая стала опухать от не очень понятной лекарям болезни, и Захиру, которая принималась, что ни зима, худеть, покашливать и отхаркивать вязкую мокроту, и даже моих мальчишек, что, естественно, отбились от моих рук, но пока не прибились к настоящему делу. Ну, грамматический тривиум, а также ал-Джабр и аль-Мукаббала – это было неизбежно, в бездельниках моих сыновей никто не числил и в плохой компании никто не видел. Однако и в чём-то особенно добром они не были замечены также.

И вот после умывания и завтрака я забираю свою красавицу, уже наряженную для выхода: короткое шелковое платьице вразлет и такие же шаровары, тончайшая газовая косынка поверх светлых кудрей, крепкие тупоносые башмачки из лучшей кожи. Все пестрое, тисненное, узорчатое – как будто солнце глядит на нас обоих сквозь прорехи в листве, что проделал ветер. Мы шли рядом, старательно выверяя шаг, чтобы ей не приходилось частить вприпрыжку, а мне – семенить.

Сначала мы заходили в новомодную печатню, где делали доски для набора моих «Досто-славных изречений».

– Смотри, дочка, – говорил я, поднимая со стола чистую доску, уже отшлифованную и приготовленную под резец. – Вот это продольная доска, на ней делают рисунок или пышную надпись, а потом вынимают древесину вокруг каждого штриха, чтобы он стал как бы горной цепью посреди низины, и смазывают штрихи краской. Дерево должно быть таким мягким и податливым для ножа, чтобы его легко было резать, и достаточно твердым и прочным, чтобы держать натиск, когда им бьют о бумагу сотни, а то и целую тысячу раз. Это неплохое сырье для букв, но если хочешь сделать тонкий и многообразный рисунок, надо распилить ствол поперек и очень хорошо отполировать.

– Дэди Арм, – говорила моя умница, – помнишь, как ты мне показал разделение языка? На первые элементы?

Картавит она почти незаметно.

– А, ты запомнила? Первоэлементы, такие малые частицы всего на свете, ну, как ани-малькули болезней и прокисшего молока, есть и среди звуков нашей речи. Их почти всегда немного: три десятка, четыре... Как называются наши, скондийские?

- Харф. Жесткий звук с пением трех видов.
- Правильно. А-И-У. Иногда еще О и Э.
- И каждый харф можно записать одним значком. Рисунком.
- Верно. Так мы и пишем.
- А нельзя и резать так? По штучке на харф?
- Франги так и делают.
- А ты не франг?
- Когда говорю по-вестфольдски или по-франзонски, то да.
- А когда режешь вместо разделенных малых смыслов хитрые и сложные узоры – ты кто?

Скондиец, как я и мама?

Из этого такого сложного для девочки ее лет рассуждения я понял лишь одно.

Она сделала нас с Захирой своими в Вард-ад-Дунья, даже не задумываясь над этим. Просто смахнула проблему ручкой, как пыль с гладкой поверхности...

И я даже позабыл, что мне задали вопрос.

– Дэди, – говорила дальше моя дочка, – меня уже научили, как писать Нун, который похож на чернильницу, Алиф, который похож на перо, и Мим, который сворачивается, точно сытая кошка или ее клубок, а, может быть, как губка для стирания ошибок. Нани Рабиа говорит, что теперь мне легко будет научиться грамоте. Они, эти писательные закорючки, в своей основе совсем простые. Почему нельзя дать каждому харфу единственный знак, а потом вырезать его на куске дерева и набрать страничку из них?

– Можно, конечно. Самые простые надписи так и делают. Но только не стихи, не священные книги и не рассуждения мудрецов. Догадайся, почему?

И тут она меня снова удивила:

– Потому что извилистая красота дает больше знания, чем прямой и отчетливый ум. Так же как стихи сильнее простой речи. И еще потому, что если размножить чудо, чтобы досталось всем понемногу, каждый получит с него только бледный оттиск.

– Кто тебя научил так говорить, – тоже наша Рабиа? Или ее муж?

– Само как-то в воздухе выткалось и на меня упало... Ай!

И Бахира рассмеялась совсем по-девчачьи.

Потом мы с нею прошли до книготорговой лавочки, где я иногда проверял счета, записанные почти теми же харфами. Филипп, помнится, называл их арабскими сифрами или просто цифрами. И снова моя девочка ползала тонким пальчиком по столбцам, пытаясь и в этом разобраться. Когда я пробовал научить ее – не игре на *ребекке* и *худе*, для которых ее ручки были еще слабы, но лишь умению читать нотные знаки, зу муфассал, до, ми, фа и соль, то оказалось, что и в них она способна легко увидеть все те же извилистые знаки универсального скондийского письма. Так вся сотворенная людьми вселенная красоты воплощалась в ее глазах в нечто цельное, соединённое одной тайнописью, единым шифром.

Удивительно ли, что с самого нежного возраста моя дочка легко переходила от одной дисциплины к другой, что ей легко давались и языки, и математика, и музицирование?

И еще одна наука также мимоходом коснулась ее – та, что один рутенский мудрец назвал веселой...

Разумеется, проходя по утренним улицам, мы уже могли видеть стройные позлащенные фигуры, почти сплошь закутанные в батист и виссон, – от затылка до пят. Тяжелые сверкающие браслеты, кольца и серьги, сияние огромных глаз на чистом смуглом лице, ниспадающие до пят волосы, обыкновенно тёмные, – девы-жрицы Энунны.

– Дэди Арм, они из храма?

– Угу.

– Что они делают так рано?

– Служат богине.

- А чем?
- Собирают деньги и пожертвования. Ищут себе и своей Великой Матери новых почитателей.
- Ты их тоже читал?
- Я с возмущением потряс головой, что, мне кажется, слегка огорчило Бахиру.
- Ни одной строчки.
- Может быть, зря, дэди?

Вот так я учил мою девочку и сам незаметно для себя учился у нее. Самое главное, что у меня начало получаться – быть скондийцем. Правы были все те чужеземцы, которые говорили, что лишь тот становится здешней порослью, кто сам даст этой земле поросль – своих кровных детей. Сабров – так зовут местную колючую и непривередливую траву.

А Бахира была, что называется, из своих своя. И как своя – легко узнавала прихотливую здешнюю грамоту, где лишь в самом начале было можно наблюдать четкие прорисовки, а потом знаки то смыкались, то размыкались в своем начертании, обрастая усиками и гроздьями, надписи самым невероятным образом меняли форму: от курчавой виноградной лозы до жестких черт и прорезей в камне, – а тексты то тянулись смирной чередой барашков с правой стороны листа на левую, то скручивались улиткой, рогом изобилия, колесом Фортуны. Как посвященная в тайны, навскидку училась кой-чему из мастерства моих боевых братьев – я пробовал оставлять ее одну в садике или тенистой прихожей тренировочных зал, но она без помех проникла за мной внутрь, и самым строгим стражам Тайны не приходило в голову ее остановить.

А однажды я застал на женской половине моего собственного дома совсем уж неожиданную компанию.

Трёх самых знаменитых жриц Великой Матери, обладавших наследственными именами Билкис, Бастис и Билитис. Когда высокая жрица умирает для службы в храме, то бишь попросту стареет, ее тронное имя принимает одна из молодых. Хотя кое-кто из них, и в самом деле, я думаю, умирает, так сказать, в непрестанном служении.

Так вот, эта троица в довольно скромных нарядах сидела вокруг Захиры, которая держала на коленях нашу с ней девочку, необычно серьезную, и что-то с ними обсуждала.

– Муж, прекрасные сестры пришли говорить веские слова Бахире, – ответила супруга на мой недоуменный взгляд.

– Я так понял, это снова извечная женская тайна?

– Они хотят меня учить, – вмешалась дочка. – А мама отвечает, что рано, хотя и придется, наверное.

– Думаю, мама права, как всегда, – отозвался я жестко.

Дамы тотчас хором поднялись и стали нудно и церемонно раскланиваться. И случай был бы исчерпан, если бы Билкис, самая старшая, не ответила мне, внезапно перестав отмерять по дозам свою ритуальную вежливость:

– Ваша светлая супруга родила нагой кинжал, и теперь, может быть, упущено время приискать ему ножны.

Я понял эту распространенную и смутительную метафору так, как ее и полагалось понимать большинству, совершенно не поняв, что она перевернута. Точнее, вывернута наизнанку...

А тут еще и Билитис выступила, тихо проговорив нечто скрытое от обеих моих женщин:

– Позвольте подарить вам, почтенный хозяин, притчу, что касается совсем иных материй, чем те, которые обсуждались. Говорят, что некогда одна старуха приютила у себя монаха отшельника – дала ему хижину и кормила его. Лет через пять она решила проверить его святость. У нее была молодая родственница, от природы исполненная страсти, с пышной и отзывчивой плотью – вот ее-то старуха и послала к хижине. Девушка подошла совсем близко, без помех прижалась к плечу отшельника и поцеловала его в губы, а затем спросила:

– Ну и что теперь?

Монах спокойно ответил известным стихом:

– Старая ель одиноко растёт зимой на холодной скале. Иней в ветвях, лёд на земле – нет здесь нигде тепла.

Девушка удалилась и рассказала старухе, какую получила отповедь.

– Вот наглец, не имеющий ни души, ни сердца! – возмутилась та. – Он, пожалуй, не обязан был отвечать на твою страсть, но по крайней мере мог бы проявить сочувствие. А я столько времени на него потратила!

С этими словами старая женщина отправилась к хижине и сожгла ее дотла.

Правда, говорят, что она отстроила ее заново, когда монах уделил ее родственнице толику своего внимания и сочувствия. И говорят еще, что их с девой сын впоследствии сделался великим патриархом под стать шестому – Хуйнэну.

Я недоумевал, к чему это рассказано, но тут подступила ко мне третья жрица, Бастис, и проговорила с легкой и доброй улыбкой, в которой отчего-то проступало нечто от кошки:

– Мы никогда не говорим людям плохого. Мы никогда не учим плохому. Мы просто учим мужей смотреть на их женщин. И видеть обоюдную любовь там, где оба супруга давно замечают лишь тягостную привычку.

Это было сказано про меня и... нет, неужели Захиру? Меня, который сам не догадывался, что за сила повлекла его в ту знаменательную и скорбную ночь – соблазнить вдову друга и отвлечь ее тем самым от наложения на себя рук. Про Захиру, которую привязал к Хельмуту некий не вполне для меня понятный долг, а потом и сердечное тепло – но никак и никогда не любовь, которую она издавна питала к одному мне.

И лишь теперь – и лишь священными блудницами – были произнесены истинные слова о нас самих.

Отчего эта удивительная – и удивительно же безнравственная притча – сподобила меня совершенно иначе взглянуть на мою... мою Китану?

Я тотчас же направился в ту светлицу, куда она от нас скрылась, – и не нужны были более никакие слова. Только глаза – первый счастливый взгляд новобрачного на открытую перед ним невесту. Только мои ладони, что создают заново шелковистое касание кожи, тяжесть и полноту груди, стройность бедер, влажность открытого лона. Ее руки, ее губы, ее страшная и сладостная пещера, что поочередно берут и вбирают в себя мой жизненный корень.

И огонь неутолимого желания, что с небывалой мощью вспыхнул меж нас и дотла сжег нашу обоюдную неправду.

Ибо, как говорит наш хаким и вали Аллаха по имени Сейфулла Туфейлиус, нет страшнее греха перед Всевышним, чем лицемерие, особенно такое, в котором лицемер, *мунафик*, боится признаться самому себе. Именно оттого зовутся такие обманщики неверными – *кафирами*, от слова *куфр*, доспех, скрывающий телесную и душевную порочность и уязвимость, – что все прячут себя от тех взоров, которые проникают сквозь любую броню невозбранно, и что стыдятся самих себя перед Тем, кто искупает любой стыд.

Пришло ли к нам с Захирой счастье или какая-нибудь особенная удача в жизни? Нет – уже само понимание было достаточной и всё превосходящей и преодолевающей наградой обоим. Добавилось ей хотя бы немного телесного здоровья от того, что было удовлетворено ее телесное тяготение, временами почти невыносимое? Тоже нет. Нам осталось, как я понял вскоре, лет десять счастья, смешанного с горечью. Но ни мне, ни Китане (да, я стал называть ее так, и хоть по-прежнему лишь про себя, но она догадывалась) не нужно было ничего сверх того, что уже произошло и происходило.

Знак III. Филипп Родаков. Рутения

Первое, с чем выступил наш Хельмут по прибытии, было:

– Опять на твоей лестничной площадке кто-то своё пиво пролил. Или мочу – по мне всё едино. Кодовый замок на входе выкорчеван с корнем, бомжики всякие уж, кажется, не только ночуют, но и днюют, лодыри. А ты и ухом не ведешь, хоть за ним и жуть как чешется. Когда только тебя снесут в связи с продовольственным кризисом! А пока послать, что ли, тебе одну из моих могучих тетушек – или хотя бы ведьминского кота покруче нравом.

Я отказался. Только спросил: он что – завязал со своим еженощным добродееанием по поводу того, что мы с ним на пару расшифровываем эту скондийскую тайнопись?

Ответа не получил. Тогда я еще раз заговорил с ним:

– Арман только и говорит, что о себе. Однако из твоих прошлых излияний я понял, что ваш любимый франзонский Медведь уже к тому времени года четыре как числился королем при живых родителях?

– Ну да. Искусственное оплодотворение франзонцы числят по разряду элементарных дьявольских козней, тут ему кой-чего стоило отмыться. И родители ради того самого подались в Собачьи Братья – обет молчания, как у траппистов, и еще остроконечный клубок на голову. Но это вовсе не означало, что он не сын своей матери, а после Священного Суда – что он дьявольский бастард. Всё путем. Эх, посмотрел бы ты, какой перформанс мы устроили с моей милой Стеллочкой! Прямо по Мэллори плюс Мэри Стюарт.

– Вы? Я так думал, между вами и ним большая ведьминская киса пробежала.

– Это ты с Арманом спутал и прочими скондийцами.

– А им чего? Ах да...

– Ну, после того, как в меня вмонтировали отломок покойного Горма, я стал невероятно крепок телесно, благодаря Марджан и Стелле обрел душу, почти равную человеческой, а то, что произошло у нас с Хельмом, окончательно запечатало меня в его облики. Думаешь, легко было Шпинелю и всяким прочим это перенести?

– Зуб даю, что не слишком.

Мы помолчали, он – отхлебывая из рюмки донельзя насыщенный приторными калориями ликер.

– А как насчет того королевского достояния, что было упрятано под самую яркую лампу? – спросил я.

– В том смысле, что нет места темнее, чем под светильником? Ну конечно, Ортос помнил. Наш христианнейший владыка прекрасно соображал, что на нем висит никах, причем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он ведь в Вард-ад-Дунья в долг женился, а если бы он первый сказал жене «Ты свободна», то пришлось бы выплатить ей все до последнего дуката или там гривны. Или самому Сконду в лице его тогдашнего владыки... А если жена проявляет инициативу, то деньги остаются или отдаются мужу.

Ситуация разрядилась, однако, тем, что лет в семнадцать Розамунде страх как надоело быть соломенной вдовушкой. У старины Лойто все сыновья были статные и собой хороши, но особенно первенец – Аксель его звали. Ну а женщины в палаческих семействах – самая великая ценность, так что Лойто немедля послал королю прошение о дворянстве для... скажем, его, Ортовой, подруги детства. И по какой причине это ей надобно, отписал. И – совсем уж обиняком – какую наш Ортос получит от сего прибыль. Дворянство ведь непременно покупают – а ты не знал? Хотя бы за номинальную сумму. Чтобы не плодить нищих гордецов.

– Ты откуда все эти перипетии знаешь? Рядом околачивался?

– Не я – Стелла моя, что там в няньках подвизалась и в душевных советчицах. Я, и правда, был не совсем далеко – обратно в Сконд нам обоим ходу не было, сам понимаешь.

Ну вот. Розамунда-Издихар вскорости после воцарения Орта на троне отцов получила дворянство за особые услуги. Не смейся, кстати: дело переросло впоследствии в нечто донельзя серьезное и ни в ком из окружающих не вызвало желаний посплетничать. Кстати, это дворянство мало того, что было наследственным, – могло передаваться и далее по женской линии. С помощью брака и рождения в нем детей. И касалось ранее появившегося на свет потомства. Понял?

– Что-то вовсю туплю. Король этак дочку наградил – левой рукой за правым ухом?

– Вот именно.

– А еще тут наслоились местные франзонские проблемы. Вестфольд наш королек получил в прикуп, эта гордая земля была по сути вассалом сильных франгов. А вот насчет Готии... Понимаешь, они там вышли по твоей канве. За кровавой революцией по пятам следует реставрация, а за реставрацией – Наполеон.

– Ипостась Короля Артура, который берет под себя все земли.

– Угу. Вот именно – Артура. Всё имеет тенденцию повторяться.

– Я что – их всех в войну втравил? – воскликнул я в ужасе.

– Нимало. Разве что – в модную. Про термидорианские «балы жертв» помнишь? Оно самое. Уцелевшие после урагана, не попавшие ни под топор, ни под меч, ни в гарроту особи затеяли ходить по улицам и являться на приемы новой знати весьма оригинально одетыми. Женщины туго заплетали волосы в косу или перехватывали кольцами или лентами, носили на шее тонкое кольцо из рубинов или алмандинов – как бы след острого лезвия, а на теле – тончайший батистовый саван с рюшечками, просвечивающий насквозь. Иногда его еще смачивали клюквенным морсом для-ради пущей экстравагантности... Мужчины, напротив, стриглись очень коротко, пуская вдоль по шее такую извилистую волосяную прядку или косицу, крашенную багрянцем. Иные косицы не плели, но по самые уши повязывались белейшим платком, будто боялись, что от любого кивка голова отвалится. Костюм их, в отличие от дамского, был чёрен, изящен и невероятно прост. Как в гроб кладут, понимаешь. Да, еще вот что: в особую моду вошло мыться не реже раза в сутки, носить чистую исподнюю одежду по прозвищу дезабилье и обильно прыскаться туалетной водой. Будто бы чистота тела переходит в чистоту души. Этика и этикет женихов гильотины. Хорошо ещё, что эстетика повешенья показалась им несколько чрезмерной.

– Хм, – только и смог я произнести. – Новая революция начинается с костюма?

– Нет, просто им исчерпывается. Модники или стильники – первые птички готской свободы. Я имею в виду – ласточки во фраках с пластроном: белая грудь, раздвоенный черный хвост. И голуби-дутьши с огромным жабо во всю грудь и шею. Большого, чем это противостояние, Готии не было дано: в ней сначала наряду со злокозненной Супремой порубили всех мало-мальски ученых монахов, а потом и вообще – из поистине образованных людей практически никто не остался при личном мозговом вместилище. Где тут новорожденной республике на месте удержаться! Я тут однажды по старой памяти на наши с тобой Поля Блаженных заходил – сильно увеличилось тамошнее население за счет безголовых готцев, ой как сильно! Недаром тамошний губернатор Осман, сам родом из Сконда, ради всех них заново скопировал истанбульский Шахи-Майдан и вновь наложил его на окрестности города Парижа.

– И кого в Готию королевским послом выбрали?

– Нашего общего знакомца, главного кардинальского бастарда. А чего? С годами он сделался порядком сухошав, но был еще очень в форме. Скондцы ведь по жизни считались из модников самыми модниками, и из щеголей самыми щеголеватыми. Умеют щापить и басить, как сказали бы в древней Рутении.

– Ну да, в точности как у Пратчетта. Гильдия элегантных дворян – асасинов.

– Не шути так, мой милый. Разве ты сочинял нечто подобное? И разве ты хотя бы помышлял задать убойный алгоритм этому Братству Изящных Дипломатов?

Арман Шпинель де Лорм ал-Фрайби. Скондия

Мое сердце горит огнем, но в глазах моих – холодный пепел. Лишь одно они видят – те двенадцать самых прекрасных моих лет, когда каждый мой день был наполнен словами и музыкой, красками и звуками не меньше, чем иной месяц. Время, когда я держал обеими руками хрупкую чашу свинцового стекла и пил багряное игристое вино, что выплескивалось из нее через край...

Верная Турайа родила мне двух девочек и еще одного наследника имени.

Захира – никого. Я боялся за ее здоровье. За сердце, что слишком было переполнено любовью, чтобы выдержать еще и родовые муки. За легкие, которые дышали бы одной кровью, если бы кислое кобылье молоко от могучих дочерей покойного Черныша не убивало в них заразы. За нежность нашей любви, такой для всех очевидной и в то же время такой стыдливой, такой потаенной.

А Бахира тем временем расцветала как весна, тайным образом заключенная в ее имени. Тело ее в десять лет казалось уже девичьим: нет, скорее отроческим. Ибо то, что ей не дали – из-за моих опасений – священные блудницы, она с лихвой брала от моих юных учеников из Братства Чистоты: и их телесные упражнения, обращающие мышцы в струнные жилы, и краткие притчи, выворачивающие мир – или хотя бы наши мысли – наизнанку.

И при всем своем мальчишестве моя средняя дочка была хороша необычайно. Как говорят франзонские гальярды, рот ее был точно лук, нос – как стрела на его тетиве, глаза – два горных озера с глубокой чистой водой, щеки – яблоки, исцелованные солнцем. Вестфольдские скалды называли бы ее стан гибким древом янтарных браслетов, светлую пену кудрей – одеянием слуг могучей Ран, богини моря, походку – прекраснейшей висой лучшего из них самих.

Бахира, едва удерживая равновесие, стояла на грани начала жизни, Захира – на грани ее конца.

И в этот год позвали меня мои старшие мастера. Сейфулла, изрядно одряхлевший, но еще бодрый, был среди них.

– Мы посылаем тебя, Арман Шпинель Фрайбуржец, на родину, – сказал он. – Не совсем туда, но навестить родителей тебе будет дозволено и даже рекомендовано.

Я кивнул:

– Что – же – я присягал. Однако понимает ли Братство, что здесь я оставляю неразвязанные узлы?

– Узлы подождут, пока ты не сумеешь разрубить их, – ответил другой мой Учитель.

– Разве не понимаешь ты, – примирительно добавил Сейфи, – что преходящая печаль твоей младшей супруги может быть для нее даже целительнее вечной радости?

– Тем более, что ты будешь отсутствовать недолго, – продолжил третий Учитель. – Мы посылаем тебя с визитом чести в Готию, а затем – с визитом вежливости к молодому королю Франзонии, который со скорбью глядит на уничтожение венца готских царей.

– Какова будет моя задача там?

– Внешняя – очаровывать. То, что будет скрытым, *батин*, ты поймешь сам.

Разумеется, Скондия всегда имела свои интересы в Готии, а более того – в своем любимом вскормленнике Ортосе, который несколько лет назад был провозглашен королем, но пока еще не принимал короны, ибо это было чревато недюжинным испытанием – наподобие Суда Божия.

Итак, я попрощался с домашними, был облизан всеми малыыми детишками, крепко обнял Турайю, Захире лишь осмелился с некоторой робостью пожать руки – она понимала в моих делах куда более меня самого, могу поклясться! Бахира показалась мне еще более невозмутимой, чем ее мать: такая юная, такая напряженно-тонкая! И вот что она мне сказала:

– Лелу Захира боится тебя не дожидаться, дэди Арм. Но она дождетсЯ, я знаю. Мне о том сказали сестры.

Вот даже как? Это признание вошло в мою мысль далеко не сразу, а дойдя – почти ужаснуло. Да, безусловно, моя дочь ходит к Энунне – по крайней мере, за предсказаниями судьбы. И ходит не как обычная просительница.

С такими мыслями я отправился в Готию. Путь мой лежал через знакомые места, ибо в точности повторял наш с Хельмом и Грегором исход из Вробурга. Утверждать короля Рацибора в самой сильной из его крепостей мы шли большой каменной дорогой, прямой, точно клинок, а эта, ставшая почти провинциальной, вилась выюном, расправляла кольца, как аркан любимой моей игры, тонула в переливчатой зеленой тени. Сияла светом нашей молодости.

Разумеется, я свиделся во Вробурге с батюшкой, который сильно сдал, однако по-прежнему вел почти все дела своего диоцеза и к тому же принимал наиболее рискованные исповеди членов королевской семьи, которые из-за одного этого навещали его в уютном крепостном уединении. Ибо Вробург, побывав попеременно молотом и наковальней, ключом и замочной скважиной, стал под его рукой небольшим городком из тех, где на улицах встретишь одних клириков, торговцев, менял и учеников всей этой братии. Мне было чуть его жаль, но я надеялся, что Орт сумеет вернуть ему былую славу.

Отец постарел, Зато матушка в ее семьдесят (или меньше? Или больше?) показалась мне только самую малость постаревшей – седые волосы лишь подчеркивали гладкую кожу лба и щек, яркость насмешливых глаз. Они оба грустили по моей молочной сестре и дочери, как я не так давно понял, маминой подруги и камеристки. Но, как родители поведали мне, Юханна с легкостью отвечала на их призывы, особенно если в них не содержалось никаких просьб.

Покинув милую пожилую чету, я направился напрямиком к готской границе, заплатил немалую пошлину за сундуки с тканой и меховой начинкой, которые еле избежали таможенного досмотра (я не выставлял себя посланником, и верительными грамотами мне служили полновесные скондийские дирхамы) и воровского снятия злободневных фасонов.

А потом я как бы шел по стопам Олафа – так же, как и он, выполнял миссию, так же торил дорогу к чьей-то давней любви – или моей нынешней... Не знаю до сих пор.

В главный город преблагословенной Готии, Лутению, средоточие бывшей Государственной Бритвы, преждебывшей Супремы и нынешней Царственной Моды, мой обоз прибыл на третьи сутки полнейшего бездорожья и совершенно безбожной тряски, которая очень кстати выбивала пыль их моих нарядов и порох из меня самого. Я, впрочем, восседал на великолепном скондийском жеребце, таком же сухом, нервном и смугло-золотистом, как и я сам, но явно помоложе годами, и оттого пострадал незначительно. Разве что кудри слегка поразвились.

По прибытии в самую лучшую и дорогую из лутенских гостиниц я, не медля ни мгновения, стал лицедействовать. Заказал лучший номер с ванной (почтенных лет дубовое корыто), в номер – бутыл готского хереса (от иллами, вырвавшегося на вольный выпас, в особенности ждут сугубого винопития), а в прикуп к бутылки и тонким хрустальным бокалам – адреса самых разгульных местных салунов, или салонов, которые находятся здесь под управлением прелестных готских дам. Причем дам самого высокого ранга, не полусветских метресс каких-нибудь и даже не церковных куртизанок – но записанных в здешние готские альманахи. Иначе им не разрешат властвовать над умами здешней драгоценной молодежи.

Короче, приглашен я был уже на следующий за моим прибытием вечер и стал нарасхват – благодаря не столько умным речам, сколько моему необычному наряду. Надеюсь, мой казак из лазурной камки, отороченный собольим мехом, атласные шальвары цвета старого хереса (дань национальным вкусам), мягкие, до половины икры, коричневые сапожки, а в особенности белый шелковый тюрбо с горделивым страусовым эгретом, из-под изумрудов которого до самого парчового кушака с до эфеса заткнутой за него кривой скондской сабли ниспадали мои золотые от природы и посеребренные временем кудри, – все эти прекрасные вещи до сих пор

кочуют по страницам модных журналов как пример напыщенной павлиньей экзотики. Или – образа той легендарной птицы Сымург, что составлена из всей летящей в небесах стаи. А поскольку пребывал я не в той стороне, но как раз в противоположной, благодарные готийцы присвоили мне титул «графа Феникса».

Не следует полагать, что я на самом деле занимался одними пустяками. Здешняя «жертвенная» молодежь, которую политика не трогала лишь по видимости, обладала остротой ума, свежестью взгляда и отвагой души тем большими, что именно эти качества из всех них упорно пытались вытравить. А еще оба пола в равной мере тянулись к неканонической образованности. Ну и к великолепным узорным шалям из козьей шерсти, так хорошо защищавшим неглиже дам от пронизывающего ветра Сьерры-Мораны, коварной цепи гор, откуда в сей грешный мир спускались погибельные близнецы – лихорадка с лихоманкой. К моему тюрбану, который присвоили себе ученые дамы средних лет в качестве знака своей особой власти над мужчиной – власти изысканного разума. К восточным и западным, «заревым» и «закатным» ароматам в крепких хрустальных сосудах с притертой пробкой: отдельно для дам, отдельно для их кавалеров. (Про Скондию тут говорили, что в ней заключены даже не две, а три стороны света: север, восток и запад. Быть неукротимым Югом, как ни странно, – прерогатива Вестфольда.) К моей музыке и стихам, притчам и просто саркастическим репликам. К самой моей персоне – муж и жена в одном флаконе.

А что я в этих модных салонах, между прочим, встречал и приветчал всех здешних потайных и глубоко закопавших себя скондийцев родом из нашего Братства – и уж какие это были интересные люди! – это почти всем было невдомек.

И что готские красавицы гибкостью ума, силой характера и мягкой властью были куда более сходны с моими любимыми скондийками, чем думали мы все, я тоже убеждался на собственном опыте всё больше и больше.

Это благодаря их умиротворяющему влиянию обладатели длинных штанов пресытились игрой в смерть и захотели приложить усилия к чему-то куда более жизнеутверждающему. Поиграть уже с самим бытием, так сказать.

Словом, когда я, наконец, с почетом и караулом убрался из столицы, дабы нанести приватный визит королю франзонскому и конунгу вестфольдскому Ортосу Первому в его собственной резиденции – заново укрепленном городе Ромалин, – это выглядело как длинный праздничный ковер, что колеса моего экипажа разворачивали по мере продвижения вглубь страны моего любимого Великого Медвежонка. Иначе говоря, я всерьез собирался преподнести моему питомцу Готию, причитающуюся ему по наследству, как давно созревший плод.

Молодой король, как я знал, за годы не вполне самостоятельного правления успел крепко прославиться среди своих верных подданных тем, что почти неосознанно впадал в искреннее восхищение каждой особью женского пола от двенадцати до примерно пятидесяти – лишь бы на ней была юбчонка, а под юбчонкой огонек, как говорится, – и устраивал вокруг этой не столь уж неприступной крепости правильную осаду. Что, разумеется, давало в итоге невиданный прирост франзонского населения. С моими фрайбургцами и прочими вестфольдерами дело обстояло не так радужно, хотя королевское достоинство и в этих его владениях было на высоте. Просто девушки тут водились посерьезнее и ни на что меньшее, чем конкубинат, не соглашались.

Однако Ортосов дар в нынешней обстановке пропадал втуне, ибо назревало некое всефранзонское сакральное действо. Именно – короля как раз собрались проверять и короновать при помощи некоей допотопной церемонии. Оттого я так и не смог подступиться к своему королю, хотя получил заверения в его непреходящей ко мне симпатии и именной билет на сакральное представление, которое долженствовало произойти буквально на следующее утро после вручения мною верительных грамот. (На самом деле, я передал не посольские перга-

мены, но надушенную, недвусмысленно дамского вида записочку – прямо в руки камердинеру, что числился у нас в сочувствующих. Духи были, естественно, не только симпатичные, но и симпатические.)

Итак, с самого раннего утра я поспешил на главную площадь Ромалина, где уже с ночи были установлены кольцеобразные трибуны для знатных зрителей, а на них вразброс положены мягкие кожаные подушки. Это напомнило мне нечто из вробуржского быта, но мимолетно. А когда король вышел из врат собора, такой юный, в одной рубахе белого полотна... Тогда я вспомнил себя и тот поединок, что резко переломил мою судьбу надвое. Те же семнадцать... нет, постой, Орту идет уже тридцатый год, хотя вот сейчас этого совершенно не видеть. И это испытание зрелости.

Потому что происходящее на глазах многочисленных сановитых и простых зрителей и в самом деле более всего походило на Суд Божий, который должен был доказать собравшимся естественное и прирожденное право королевской крови властвовать над ними. Коронационный клинок, древний меч франзонских королей под названием «Кларент» должен был признать нового владельца.

И дело было не в той ущербности рождения Орта, которую еле помнили. Не в его юности. Но в том, что он многие годы пребывал в скондийских аманатах, и это подленькое, подспудное стремление уязвить чужака...

Но к делу. Вот что мы увидели.

Посередине огороженной трибунами площади наподобие алтаря возвышалась базальтовая глыба. На нее был водружен плашмя огромный двуручный клинок. И клянусь всем святым: его лезвие имело отчетливо малиновый оттенок, рукоять – тускло-бурый, а вокруг дрожало прозрачное на ярком свету голубоватое пламя.

Орт подошел и бестрепетно принял меч в обе протянутых руки...

Что это для него значило? Я лихорадочно перебирал варианты. Разумеется, нас всех учили побеждать, казалось бы, непреложную боль силой воли. Нам показывали, как от одной силы внушения у человека, которому объявили, что к его руке прикладывают раскаленную монету, появлялся круглый ожог – и тут же учили, как можно вывернуть ситуацию наизнанку. Если о холодный металл можно ожечься, значит, можно невинно перенести раскаленный – вот что говорили нам и показывали на примере.

Но если всё, что мы тут видели, – лишь священный обман, ритуальное зрелище, своего рода метафора, как такой же обнаженный меч, в легенде подвешенный над головой властителя...

Я не додумал. Король торжественно поднял Кларент перед собой, как бы протягивая всем жаждущим. Опустил на ложе – пламя погасло, будто поглощенное его руками, – и с торжеством показал всем чистые, по-мужски чуть загрубелые ладони.

Однако тотчас же пажи накинули на его плечи широкую бархатную мантию, сплошь расшитую золотом по пурпуру оттенка голубиной крови. И король торжественно – то бишь с торжеством – отправился восвояси.

Я спустился с возвышения и уже вышел за пределы площади, когда ко мне подошел, наверное, самый юный из Ортовых дворянских мальчишек.

– Съёр Арман Шпинель де Лорм?

Я с важностью и легким недоумением кивнул. Давно меня не называли так – очень давно!

– Его Величество срочно просит вас пожаловать к нему. Он всенепременно желает видеть вас до подготовки к коронации...

Мальчишка, как видно, растратил весь запас воздуха на длинные словеса – и теперь судорожно вдохнул новую порцию, не такую официозную.

– Ох, мейсьёр, ему плохо. Только не подавайте вида, это сейчас нельзя. Он сказал – вы с полуслова во всё въедете.

Хм. Я зашагал шире, стараясь, однако, чтобы это холеное дитя не запыхалось, поспевая за мной. Оно, по правде говоря, и не думало.

Когда мы достигли дворца, малыш властно и торопливо переговорил с гвардейцами, а дальше уж было куда как просто.

– Ты что, глава пажей? – спросил я, пока ожившие статуи в кирасах на теле и морионах на голове отдавали нам честь, вздымая алебарды и грохая древками о пол.

– Нет, всего строчка, – ухмыльнулся юнец. – В королевском указе. Косая голубая лента на новехоньком гербе, называется кордон блю, и мама из старого дворянского рода, которой пожаловали кой-какую девственную землю на окраинах.

Ясно.

– Можно твоё имя узнать?

– Фрейр из Фрайбурга, земляк. Простенько и со вкусом.

Н-да. Видно наш царственный медведь знает, кого послать и куда. Волосы, правда, больше похожи на северное имя, чем на скондскую паклю Орта. Белокурые и легкие.

– Он тебя сыном зовет?

– Ну, сыном – это точно. Когда в хорошем настрое.

Снова ухмылка.

– Я так думаю, дурь из тебя при дворе уже повыбили.

– А как же. Только вот кое-кто шибко надеется, что у вас, мейсьёр, в карманцах шальвар кое-что похуже завалилось.

Я так и замер. Вернее, врылся в пол по колени.

– Ты что сказал?

Но оба мы поняли один другого как нельзя лучше.

В малом зале неподалеку от королевской опочивальни, куда мы ворвались без доклада, я обнаружил троих: самого Ортоса (выглядевшего на свой возраст и даже более) в довольно удобных с виду креслах, уже без плаща и снова в одной рубахе, и двоих доброхотов, которые над ним склонились. Седой молодежавый мужчина и рыжекудрая женщина средних лет...

Нет, тысячелетий.

Торригаль и его супруга Стелламарис.

– Дэди Арман, – невнятно проговорил Орт. – Ты чего ко мне сразу не пробился? Идти по людям не захотелось?

Я молчал.

– Дэди, ты раньше с собой всегда орвьетан носил.

То бишь чистый опиум в таких смолистых на вид шариках. Рутенский городок Орвьето сюда замешался по чистой случайности и оплошности нашего книготорца.

– Только не сегодня, мой король, – вежливо поклонился я.

– Тогда, Арман, тебе срочно требуется пробежаться к себе в номер и найти попрошенное. Или на худой конец применить вашу ассассинскую пальцевую технику, – сурово заявил Тор.

– Мне больно, дэди, – ответил Орт. – Руки.

И показал мне.

Ох. На самом деле. Никто не заметил или это проявилось позже? Бурые полосы ожогов поперек обеих ладоней.

– Так, – процедил я. – Что вы тут, собственно, оба сотворили? Какой жонглерский фокус? Что вместо меча был ты, железное отродье, – это я понял.

– Арман, – рыжая ламия тряхнула шевелюрой. – Обряд нужно было готовить на чистом сливочном масле. Раскаленную сталь нельзя на все сто имитировать – жар ведь все первые ряды чувствуют, на то и близко поставлены. Некоторую защиту от боли и там иллюзию полной невредимости я сделала, но ты учти: Орт – выученик Братства Чистоты, воин, ему стыд и позор

– *не преодолеть*. Тут главное – не обойтись вовсе без ран, а живенько их залечить, как при обычной ордалии.

– То есть Орт мог и стигматы предъявить с тем же успехом, – пробормотал я. – Чего ж тогда...

– Коронацию нельзя отложить ни на час – вот чего! – вспыхнул Торригаль. – Иначе снова начнется трёп, что он сам бастард и своими ублюдками весь дворец и всю страну наводнил. Или что ведуний и ворожей при себе пригреб вместо обычных целителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.